

February Revolution as an important step for democracy in Russia. Canadian historiography mainly condemns the October Revolution and criticizes Bolsheviks for authoritarianism and radicalism. The attitude of Canadian scientists to the White Guards is ambiguous. On the one hand, there is a certain sympathy for the Whites as allies of the Entente (and Canada). But on the other hand, the Whites are condemned for their ill-conceived domestic policies and for inability to reach a compromise with each other. The Canadian historiography of the 1917–1922 events in Russia is now practically unexplored, and therefore it is of scientific interest.

Keywords: Canada; historiography; February revolution; October revolution; Bolsheviks; Civil War in Russia; Foreign military intervention in Russia; Entente; Canadian Siberian expedition; Canadian Siberian expedition corps; Siberia; Kolchak; Omsk government; Brest-Litovsk peace treaty.

* * *

УДК 94(9/4)

DOI 10.24411/2309-4370-2019-14218

Статья поступила в редакцию 30.05.2019

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И УГРОЗЫ СТАРОГО СВЕТА: ОЦЕНКИ ПРЕССЫ США

© 2019

Буранок Сергей Олегович, доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры всеобщей истории, права и методики обучения

Беляева Катерина Вячеславовна, студент исторического факультета

Тулузакова Маргарита Игоревна, аспирант кафедры всеобщей истории, права и методики обучения
Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация)

Аннотация. В данной статье рассматривается эволюционный процесс формирования отношения средств массовой информации Соединенных Штатов Америки к Советской России во время массового голода начала 20-х годов XX века, известного как «голод в Поволжье». Новизна данного исследования заключается в анализе оценок голода 1921–1922 годов, которые были сделаны американскими журналистами. Авторы представляют результаты анализа различных американских газет на предмет формирования образа советской власти, советского народа и так называемой «красной угрозы» в связи с событиями того времени. Авторами был сделан обзор основных аргументов американской прессы, который выявил, что образ «голода в Поволжье» играл немаловажную роль в актуализации маркера «отсталой» страны по отношению к Советской России. Изучение данного информационного феномена позволит исследователям понять, какое воздействие на советско-американские отношения было оказано американскими средствами массовой информации через формирование представлений о России и российском/советском народе. Это, в свою очередь, может объяснить некоторые стереотипы восприятия России в американском общественном мнении как в прошлом, так и в настоящее время.

Ключевые слова: российско-американские отношения; «красная угроза»; образ России; пресса США; общественное мнение; последствия Гражданской войны; американские газеты; внешняя политика США; голод; американские журналисты; голод в Поволжье; New York Times; экономика Советской России.

Изучение образа угроз – новый подход в исторической имагологии: анализ не только общего образа Старого Света (на примере Советской России) в американском обществе, но и исследование конкретных практик и методик по его формированию на примере образа «угрозы голода», т.к. именно с помощью данного образа у общественности США актуализировались приоритетные черты восприятия России в межвоенный период. Кроме того, изучение данной темы будет способствовать выявлению новых фактов и источников по истории прессы США и внешней политики США.

Исследуемая проблема является актуальной для современного этапа развития исторической науки, так как она дает информацию к аналитическому осмыслению современных информационных процессов, протекающих в американском социуме. При этом необходимо подчеркнуть, что многие сформировавшиеся в период 1923–1939 гг. стереотипы восприятия Старого Света продолжали функционировать и на следующем историческом этапе – во время Второй мировой войны, оставаясь важной частью американского общественного сознания, проявляясь в том числе в качестве одного из основных элемен-

тов социальной мифологии. Следовательно, требуется всестороннее изучение особенностей создания и функционирования образа Старого Света и экономических угроз в условиях и конкретно-исторической обстановке, складывавшихся по ходу межвоенного периода. Тема исследования подразумевает конструирование процесса формирования образа экономических угроз, который создавался в США в переломную эпоху: важно определить, какие новые черты и элементы появились в традиционном образе Старого Света в США в связи с формированием новой власти, новой идеологии и, как следствие этого, новой угрозы войны – из-за экономических проблем Европы и России. С другой стороны, образ Старого Света и его экономических проблем служил для американцев инструментом по корректировке собственного образа, своей идентичности и Я-концепции: Советская Россия становится важным элементом в системе самовосприятия американского общества – через сравнение процессов в России и США неизменно доказывалось экономическое, социально-политическое и духовное превосходство Америки и демократии в целом.

Таким образом, исследование образа Старого Света и угрозы голода, сформировавшегося в амери-

канской прессе в 1921–1922 гг., важно не только для более точного и глубокого понимания информационных процессов в американском обществе по вопросам внешней политики, но и для анализа дальнейшей эволюции такой политической метафоры, как «угроза голода» и её актуализации в прессе США в различные исторические периоды.

При этом образ экономических проблем Старого Света в этот период был тесно связан с целой системой других образов: экономического кризиса (и как противопоставление ему – экономическое развитие и прогресс США), голода (и как противопоставление ему – благополучие жителей Америки), угрозы войны. Лишь на примере двух стран данные образы действовали совместно: Германии и Советской России, причем в последнем случае они переплетались с традициями русофобии.

Изучение таких социально-политического явления, как русофобия, страх перед большевиками, «красная угроза» в США – актуальное и перспективное направление современной исторической науки, имеющее не только академическое, но и политическое значение. Анализ истории зарождения этого явления, его развития, процессов его трансформации поможет более полно понять его влияние на американскую политику и общество как в разные исторические периоды, так и в настоящее время. Особое внимание будет уделено связи этого явления с внешней политикой Соединенных Штатов, когда после революции 1917 г., а также с началом холодной войны во власти и обществе происходили всплески антирусских настроений, становившиеся органичной частью официальной политики. Также внимания заслуживают механизмы насаждения подобных взглядов в США, прошедшие путь от выступлений политиков и идеологов до конкретных программ и мероприятий спецслужб США [1, с. 49]. В мировой и отечественной историографии тема русофобии и страха перед «красной угрозой» в США изучалась лишь в контексте общего противостояния двух стран в различные периоды либо как составная часть империологических исследований российско-американских отношений, никогда не получая пристального внимания исследователей [1, с. 50].

Изучаемая тема актуальна в практическом отношении – для анализа современных информационных процессов в американском обществе. Формирование идеи о «красной угрозе» в США наряду с целым рядом исторических процессов в СССР сформировало мощный задел для рождения и развития идеологии негативного отношения к России/Советскому Союзу и общего неприятия деятельности советского государства. Многие возникшие в XX веке негативные стереотипы оказывали сильное влияние на весь спектр советско-американских отношений и имеют сильное влияние и на современные взаимоотношения двух стран. Важно изучить процесс зарождения в Соединенных Штатах целого комплекса негативных идей и образов СССР в очень насыщенную глобальными событиями эпоху. Вызревание идеологической модели «красной угрозы» при президентах В. Вильсоне, У. Гардинге, К. Кулидже, Г. Гувере и Ф. Рузвельте происходило на фоне глобальных перемен как в мире, так и в СССР, что нашло отражение в полном неприятии тех изменений, которые произошли в России после революции 1917 г. [1, с. 49].

Особенно важно проследить изменения в содержании понятия «красная угроза» в переломные события российско-американских отношений в первой половине XX века, когда активная внешняя политика СССР резко актуализировала в СМИ США спрос на «красную угрозу». Однако в развитии данного информационного феномена были и другие периоды, в которые американская пресса формировала не чувство страха или опасности у своей аудитории, а совершенно иной комплекс эмоций – не менее важных для полноценного анализа феномена «красной угрозы» в обществе США.

Одним из таких периодов является голод в Советской России в 1921–1922 гг., известный также как «голод в Поволжье» [2, с. 248–254]. Этот голод не только стал наиболее губительным для Самарской губернии, но и шокировал мировую общественность, в том числе на Западе. Следовательно, можно поднять вопрос о региональном контексте развития восприятия «красной угрозы» в США.

В качестве источника информации нами использовались материалы американской прессы, в частности ежедневной газеты «New York Times», на страницах которой в период с 1921 по 1922 гг. было напечатано более 600 статей о голоде в России и непосредственно в Самаре. Самара к этому времени была достаточно известным для американской прессы местом – публикации шли с середины 1870-х гг., а особенно активизировались в 1905–1907 и 1918 гг.

В октябре 1920 года «New York Times» опубликовала небольшую статью, рассказывающую о восстаниях, вспыхивающих в Сибири, Тамбове и Самаре, а заголовок сообщал о том, что «красные столкнулись с худшим зимним голодом» [3, р. 7], связанным с плохим урожаем. После этого сообщения «New York Times» замолчала о голоде – реальном или потенциальном – практически на год. Уже в 1920 году за океаном предполагали, что в России возможен голод. Новое сообщение об этой проблеме появляется в июне 1921 года: «25 миллионам русских угрожает голод» [4, р. 5] из-за уничтоженного засухой урожая в Уфе, Царицыне, Саратове, Самаре, Симбирске, Вятке, Перми, Казани и на Северном Кавказе. Далее пресса не раз осведомляет читателей о широком распространении таких заболеваний, как холера, бубонная чума и тиф [5, р. 3; 6, р. 9; 7, р. 4; 8, р. 7; 9, р. 12]. Осложнял положение как в Самаре, так и по всей стране огромный поток беженцев из регионов [10, р. 3; 11; 12, р. 1; 13, р. 7].

Задолго до первой реальной помощи со стороны США американские СМИ максимално красочно расписывали ужасы, происходящие в России. К тому же Советское правительство обвинялось в замалчивании фактов о голоде, а точнее, в сокрытии фактов его существования. Так, «New York Times» приводит в пример сообщения журналиста Мяснова из газеты «Известия», который в середине августа 1921 года, посетив Самару, Симбирск (Ульяновск), республику Татарстан и республику Чувашию, пишет о том, что на Волге действительно есть трудности с продовольствием, однако именно от голода никто не умирает – только от различных кишечных заболеваний [11, р. 2]. Это американская газета сравнивает с аналогичным замалчиванием фактов в царской России во время голода 1891–1892 гг. Однако надо отдать должное заокеанским журналистам, приводящим следующее высказывание Мяснова: «Если к сентябрю обнаружится, что урожай намного ниже среднего, то к декабрю голод будет ужасен. Голод [как Всад-

ник Апокалипсиса] наступает быстро» [11, р. 2]. Это сравнение весьма показательно, т.к. методы создания образа голода, как и образа Самары в 1920-х гг., были такими же, как и в конце XIX в. Тема голода использовалась американскими журналистами для корректировки, прежде всего, американской «Я-концепции»: публикации об ужасах Поволжья неизменно сопровождалась репортажами об экономических успехах США. А это актуализировало другой информационный феномен – многочисленные статьи об американской помощи России, чтобы подчеркнуть цивилизационную миссию США в России – «новый крестовый поход за освобождение русских» от большевиков и голода, который для ответственности США был высшим маркером отсталости.

Советские власти всячески отрицали то, что они просили помощи у Запада. Так, народный комиссар по иностранным делам РСФСР Георгий Васильевич Чичерин говорил: «Мы не обращались к Америке [за помощью], только если этого не делали... Максим Горький и его Высокопреосвященство Патриарх Российский Тихон. У нас нет связей с Американским правительством, а значит... мы не можем требовать американской помощи» [14, р. 8]. Действительно, в прессе достаточно много упоминаний о Патриархе Московском и Всея Руси Тихоне, который, во-первых, вместе с Синодом выступал против изъятия церковного имущества «красными», а во-вторых, обращался к американским и английским церквям за помощью, говоря, что «миллионы людей находятся на грани голодной смерти» [15, р. 14]. 13 июля 1921 года Максим Горький обратился «ко всем честным людям Европы и Америки», и уже 23 июля глава Американской Администрации Помощи Герберт Гувер сообщил о готовности вести переговоры об оказании помощи голодающим в России, и особенно в Самаре, Казани, Саратове.

Гувер утверждал, что его организация является благотворительной и совершенно далекой от политики, но при этом он сам занимал пост министра внешней торговли США. Мало того, главным условием оказания гуманитарной помощи ААП назвала освобождение заключенных на территории Советской России американцев. Вскоре «New York Times» написала: «Американские заключенные освобождены красными» [16, р. 9]. 17 августа 1921 года в Риге состоялась встреча Литвинова и европейского представителя ААП Брауна о способах помощи России [11, р. 1].

Первая гуманитарная помощь от ААП, по сообщению NYT, была на пути в Самару уже 5 сентября [17, р. 2], однако 12 сентября было принято решение о том, что этот продовольственный груз отправится в Казань, так как выяснилось: там голодает 900 тыс. детей [18, р. 5]. 24 сентября «New York Times» сообщает, что помощь прибыла в Казань [19, р. 1], и в этом же выпуске цитируется глава миссии ААП в России Уильям Хаскель, намеревающийся посетить Поволжье: «В ... Самаре ... и Бугуруслане голодает 350 тыс. детей» [19, р. 3].

Впечатление о своем визите в Поволжье Хаскель выразил в следующих основных положениях [20, р. 6]:

1. В бассейне Волги – тяжелый и повсеместный голод.
2. Основные причины голода: засуха 1920 года, революция и Гражданская война.
3. Переломный момент не наступит до начала 1922 года.
4. От голода уже пострадало 15 млн человек, но не все они голодают, так как у определенного коли-

чества людей имеется доступ к количеству еды, необходимому для поддержания жизнедеятельности организма.

5. Главное в гуманитарной помощи – еда, а на втором и третьем местах медикаменты и одежда соответственно.

6. Советское правительство не способно своими силами справиться с катастрофой.

Что касается самой Американской Администрации Помощи, то в ее состав вошли Красный Крест и религиозно-общественные организации США, такие как Юношеская христианская организация, Ассоциация молодых христианок, Рыцари Колумба и Квакеры [21, р. 2].

В целом, христианские мотивы при сообщении о катастрофическом положении в России встречаются в американской прессе очень часто. Например, статья «Русские крестьяне боятся гнева божьего» сообщает, что «церковь не теряет своей актуальности» в России, а это «предвещает ослабление большевиков, так как они считаются атеистами» [22, р. 14]. Деятельность ААП на территории Советской России журналисты называют следствием «an act of God» [21, р. 2]. Описывая реалии жизни голодающих в Поволжье крестьян, пресса уверяет, что они отказываются убивать лошадей и употреблять их в пищу, потому что «это не по-христиански», а в интервью с женщиной из села Мордовская Барковка не был упущен тот факт, что ее семья «черного хлеба не ела с Пасхи» [23, р. 3]. Вышеперечисленное и абсолютно христианский состав ААП можно трактовать как желание СМИ США показать некую богоизбранность всей американской нации, ее праведный путь решения проблем и безгрешный образ жизни. А Самара выступала в данных публикациях конечным пунктом этого пути.

В то же время страницы «New York Times» изобилуют ужасающими сообщениями о трупоедстве и каннибализме в Самарской губернии, которые с наступлением зимы стали поступать от волонтеров ААП в редакцию. Часты были сообщения о том, что «детей либо уносят в степь на погибель, либо матери собственноручно перерезают своим детям глотки или душат их» [24, р. 8]. Стала известна история о том, как американская санитарка «вошла в какой-то дом в деревеньке и обнаружила за столом пятерых, сидящих вокруг кастрюли с вареной человеческой. Они ели маленькую девочку и без колебаний сознались в этом...» [25, р. 2]. Упоминается и то, что на Всероссийском съезде Советов представитель от Самары Овсенко (имеется в виду Владимир Александрович Антонов-Овсенко) выступил с заявлением о том, что под Самарой люди едят своих усопших», поэтому нельзя производить захоронения вблизи «этих людей» или нужно хотя бы установить охрану трупов «до тех пор, пока они полностью не разложились» [26, р. 8]. По подсчетам Овсенко, «только 10% населения области доживет до следующего урожая» [27, р. 4]. Графическое и подробное описание данных ужасов использовалось журналистами с целью создания «варварского» образа России и ее граждан. Это можно подтвердить и статьей, в которой внимание уделяется первобытному страху русских крестьян перед пересохшей от засухи землей, так как те якобы считают, что «сама земля раскрывает рот, чтобы проглотить их» за все их грехи [28, р. 14].

Подобные сюжеты выводили американских журналистов на весьма смелые сравнения Поволжья с

Диким Западом, где роль индейцев играли русские крестьяне, а американцы вступали в качестве пионеров и переселенцев, приносящих на дикие территории культуру, цивилизацию и бескорыстную помощь.

Важно подчеркнуть, что подобные механизмы формирования стереотипов о Старом Свете действовали не только на примере России. В начале 1920-х гг. актуализация экономических трудностей и проблем была характерна и для оценки прессой США американско-германских отношений, американско-китайский, американско-японских. И своеобразным маркером, как и в случае с Советской Россией (где ключевым маркером был голод, из которого вытекали тезисы об «отсталости», «дикости» и «варварства»), для Германии и Европы в целом была идея экономического кризиса. Самое широкое обсуждение в периодической печати США в межвоенный период вызывали прогнозы краха европейской экономики, когда тема голода в России, безработицы в Германии, снижение зарплаты в Великобритании, кризис сельского хозяйства во Франции сливались в один информационный поток, направленный на достижение двух целей. Во-первых, создание демонического образа Старого Света: его формирование шло в полном соответствии с имагологической парой «свой» – «чужой», при которой «свой» американский контекст наделялся признаками цивилизации и мессианской исключительности, тогда как «чужой» европейский (особенно в плане России и Германии) – маркерами варварства и отсталости. Важным дополнением здесь был образ угрозы войны, которая, по мнению американских журналистов, неизменно произойдет либо в России, либо в Центральной Европе (из-за экономического краха Германии). Во-вторых, американские СМИ видели даже решение всех проблем Европы: они ссылались на то, что Старый Свет нужно просто всему обучить, комбинируя материальные и гуманитарные методы помощи, – и тогда развитие европейского региона пойдет быстрыми темпами. И это напрямую влияло на корректировку американской Я-концепции: США в прессе начала 1920-х годов неизменно отводилась роль как наблюдателя – мудрого и великодуш-

ного, так и «спасителя» Старого Света от экономических проблем и угроз войны, анархии и хаоса.

Список литературы:

1. Буранок С.О., Левин Я.А. Русофобия и «красная угроза» в США // Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2019. Т. 21, № 67. С. 49–53.
2. Репинецкий А.И. Практики выживания населения Поволжья в условиях голода 1921–1922 гг. // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность: мат-лы междунар. науч. конф. Т. 1. / отв. ред. В.А. Веремченко. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2019. С. 248–254.
3. New York Times. 1920. October 6.
4. New York Times. 1921. June 29.
5. New York Times. 1921. July 10.
6. New York Times. 1921. August 5.
7. New York Times. 1921. August 16.
8. New York Times. 1922. March 3.
9. New York Times. 1922. April 26.
10. New York Times. 1921. July 12.
11. New York Times. 1921. August 18.
12. New York Times. 1922. March 4.
13. New York Times. 1921. August 28.
14. New York Times. 1921. July 17.
15. New York Times. 1921. July 20.
16. New York Times. 1921. August 6.
17. New York Times. 1921. September 6.
18. New York Times. 1921. September 13.
19. New York Times. 1921. September 24.
20. New York Times. 1921. October 18.
21. New York Times. 1921. August 10.
22. New York Times. 1921. July 24.
23. New York Times. 1921. September 1.
24. New York Times. 1921. December 28.
25. New York Times. 1922. May 29.
26. New York Times. 1921. December 29.
27. New York Times. 1922. January 8.
28. New York Times. 1921. July 18.

Работа выполнена в рамках реализации гранта Президента РФ «"Красная угроза" в оценках прессы США 1917–1941 гг.» (МД-776.2019.6).

ECONOMIC PROBLEMS AND THE THREAT OF THE OLD WORLD: THE USA MEDIA ASSESSMENT

© 2019

Buranok Sergey Olegovich, doctor of historical sciences, associate professor, professor of World History, Law and Methods of Teaching Department

Belyaeva Katerina Vyacheslavovna, student of History Faculty

Tulusakova Margarita Igorevna, postgraduate student

of World History, Law and Methods of Teaching Department

Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation)

Abstract. The paper is dedicated to the evolutionary formation process of the American mass media perception towards the Soviet Russia during the severe Russian famine of 1921–1922, also known as the Povolzhye famine. The research novelty lies in the deep analysis of the US press assessments concerning the famine. The authors provide the results of their American newspapers examination regarding the image formation of the Soviet authorities, the Soviet people and the so-called «Red Scare». The authors' research included a review of the main anti-Soviet arguments made by the media; the review revealed that the Povolzhye famine image had a crucial role in the labeling Russia as a «retrogressive» country. Studying this informational phenomenon allows researchers to understand what impact it had on Soviet-American relations, since it directly affected the perception of Russia and the Russian/Soviet people through the media. This, in turn, might help with comprehension of some stereotypes about Russia that can still be encountered in the American public opinion to date.

Keywords: Russian-American relations; red threat; image of Russia; US press; public opinion; consequences of civil war; American newspapers; US foreign policy; famine; US journalists; New York Times; Economy of Soviet Russia.